

А в том же Рязани да славном городе
 В том же народу да много множество:
 А конны-ти едут темным лесом,
 Пешеходом идут народ станицами,
 Черным кораблём бежат дак по синю морю.³⁵

В этих описаниях не ощущаются реальные наблюдения, но в них заметно стремление изобразить Рязань в ярких и богатых красках.

Интересный случай применения традиционной формулы о Рязани есть в варианте былины «Илья Муромец и сын». Добрыня вынужден отказаться от поединка с Сокольниковом и возвращается униженный к Илье Муромцу. Илья говорит:

А ише прежде Рязань да слободой слыла,
 А ише новьде Рязань да словёт городом;
 А ише некем мне-ка, старику, заменитися,
 А некем мне-ка, старику, распорядитися.

Другими словами: Добрыня, представитель Рязани-города и воплощение ее славы, оказался неспособным заменить Илью в поле. Здесь слова о Рязани, ставшей городом, звучат явно иронически.

Что связь Добрыни с Рязанью не является простым домыслом поздних певцов, следствием каких-то искажений и переделок, свидетельствуют некоторые летописные данные.

Летописи сохранили воспоминания о Добрыне Рязаниче Золотом Поясе. О нем говорится как о «храбре» князя Константина Всеволодовича, участвовавшем вместе с Александром Поповичем в сражении ростовского князя с Юрием Всеволодовичем.³⁶ Имя его называется также рядом с именем Александра Поповича, среди «храбров», погибших в Калкской битве: «Убиша же на том бою: и Александра Поповичя, и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго Пояса, и семьдесят великих и храбрых богатырей».³⁷

Если сопоставить эти летописные свидетельства с приведенными выше былинными мотивами, то следует предположить, что связь Добрыни с Рязанью в эпосе определенной эпохи была достаточно прочной. Эти факты неоднократно и по-разному истолковывались исследователями.

Вопрос о Добрыне Рязаниче осложняется тем, что в ряде летописей вместо Добрыни в тех же ситуациях называется Тимоня Золотой Пояс.

Ф. И. Буслаев усматривал в летописных свидетельствах проявление того же процесса, согласно которому «эпос переводит богатырей Владимирских в период татарский». Буслаев не склонен был думать, что существовал в XIII в. какой-то исторический Добрыня. Добрыня Рязанич, с его точки зрения, это традиционный былинный герой, прототипом которого был, вероятно, дядя Владимира, брат Малуши, но получивший местное приурочение. Факт этот для Буслаева не единичен и не исключителен, в нем он видит нечто характерное: «Рязань вместе с Муромом дают местные, эпические краски известной муромской легенде о князе Петре и супруге его Февронии... Если Муромская область соединила свои поэтические предания с крестьянским идеалом Ильи Муромца, то соседняя с нею область Рязанская усвоила себе идеал княжеский в лице вежливого и грамотного Добрыни Никитича».³⁸

³⁵ А. Д. Григорьев, т. III, стр. 488.

³⁶ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 396; ср. также: ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 71—72.

³⁷ ПСРЛ, т. X, стр. 92.

³⁸ Ф. И. Буслаев. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887, стр. 170—171